

ДЕРИВАЦИОННЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА

Демидов Д. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация:

Обсуждаются две возможности: 1) «имя > глагол» и 2) «глагол > имя». 1-я исторически реализовалась в глаголах на *-ить*, *-ничать*. 2-я исторически побеждает, давая образцы синхронного деривационного отношения типа *ходить* → *ход* и создавая благоприятные условия для обратного словообразования типа *призывать* > *призыв*. Предлагается различать диахроническое словопроизводство и синхронную деривацию, участвующие в словообразовательном процессе. Словообразовательные отношения могут быть только историческими, они рассматриваются как родовое понятие по отношению к словопроизводству и деривации.

Ключевые слова:

Отношения производности, мотивационные отношения, обратное словообразование, грамматикализация, деривация, диахрония, синхрония.

DERIVATIONAL AND WORD-FORMATIONAL RELATIONSHIPS OF NAME AND VERB

Demidov D. G.

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract:

Two possibilities are discussed: 1) “name > verb” and 2) “verb > name”. The 1st was historically realized in the verbs with *-it'*, *-nichat'*. The 2nd historically wins, giving examples of synchronous derivational relations such as *khodit'* ‘to walk’ → *khod* ‘the move’ and creating favorable conditions for reverse word formation such as *prizyvat'* ‘to call’ > *prizyv* ‘the call’. It is proposed to distinguish between diachronic word production and synchronous derivation, which are involved in the word formation process. Word-formation relations can only be historical; they are considered as a generic concept in relation to word production and derivation.

Keywords.

Derivation relations, motivational relations, reverse word formation, grammaticalization, derivation, diachrony, synchrony.

Время исторического бытия народа и его языка не властно отойти в сторону и представить ученым реально развивающийся объект неизменным и вечным. Но если все же с какими-то частными исследовательскими целями в языке не учитывать фактор изменчивости во времени, то мы приходим к условным синхронным отношениям, в которые вступают единицы языка. Такая условность весьма полезна, но только в том случае, если применяется как промежуточный подготовительный прием моделирования остановленного в своем развитии языка, безусловно развивающегося. Обычно выделяют три типа синхронных отношений: **парадигматические, синтагматические и деривационные.**

Парадигматические отношения основаны на нелинейных ассоциациях единиц по тому или иному признаку. Например, по признаку падежа *словоформы* одного и того же имени объединяются в морфологическую парадигму склонения (*дом – дома – дому...*) и могут рассматриваться уже как *формы слова*. С помощью парадигм выделяются единицы низшего уровня, например, из слова выделяются словоизменяемые морфемы (-Ø, -а, -у). Происходит *анализ*, в результате которого внешняя форма отделяется от внутренней. В терминах темы конференции, *форма отделяется от смысла*. В парадигмах форма проступает сквозь смысл. Отсюда следует, что попытки выстроить семантические парадигмы так или иначе оборачиваются выведением логико-понятийной формы из языкового содержания.

Синтагматические отношения всегда линейны. Они объединяют друг с другом единицы в тексте и образуют единицу высшего уровня. Движение языковедческой мысли в этом случае прямо противоположно. Оно *синтетично*. Не из данной единицы высекаются единицы низшего порядка, всегда связанные, а новая единица высшего порядка складывается из свободных исходных единиц. В древности синтагма была дана, а парадигма – задана. В наше время развитой литературно-письменной формы языка дана парадигма, а синтагма – задана. Содержательные элементы, обусловленные внутренней формой, синтезируют внешнюю текстовую форму. *Смысл отливается в форму*. В синтагмах смысл проступает сквозь форму. Отсюда, в частности, следует, что в русском языке порядок слов показывает их коммуникативную значимость в предложении. В аморфном китайском языке эта значимость ничем не затемняется, в русском синтетическом языке

эта значимость надстраивается над формально-грамматической организацией предложения на основе членов морфологических парадигм. Номинативным рядам китайских слогоморфем (слов) в русском соответствуют основы слов, окончаниям – китайские одиночные служебные слова.

В основе **деривационных** отношений лежат семантические мотивационные связи в том виде, в каком они сложились ко времени изучаемого синхронного среза, то есть могут быть и вторичными¹. Формальная сложность учитывается во вторую очередь, но вносится идеальное требование более сложного деривата и более простого дериванта, подобно синтагматическим отношениям. Подобно парадигматическим отношениям, деривационные отношения нелинейны и ассоциативны. Отсюда попытки увидеть в деривационных отношениях так называемые «словообразовательные парадигмы»². Это внутренне противоречивое понятие: члены таких парадигм сосуществуют, но не противопоставлены друг другу непосредственно, поскольку образованы от единого производящего слова.

Только деривационные отношения преобразуют закрытую дихотомию внутренней и внешней формы в открытую триаду содержания – внутренней формы – внешней формы. Синхронная содержательная деривация смыслов языка происходит сначала на ступени наращивания внутренней формы, затем – на второй ступени внешнего оформления: *добр-ый* → *добр-от-* → *добр-от-а*. Ср. *бол-от-о*, *зол-от-о*. Достигнутая внешняя форма, в свою очередь, может стать содержательным основанием дальнейшего хода деривации: *доброт-а* → *доброт-н(ый)* → *доброт-н-ость*. Иначе, в общих терминах конференции, *за-мысел* – *с-мысл* – ***форма***. И всё это – как актуализация в заданной речи данного в языке.

В полном виде определения понятия, в этом случае, ***парадигма*** будет доведением содержания до такой абстракции внутренней формы, от которой возможно отделение формы внешней, иначе говоря, воплощением замысла в осмысленную (жанровую, синтактико-схематическую, словесную) форму; ***синтагма***

¹ Вторичная мотивация возникает в результате изменения словообразовательных отношений, см. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2010. С.21 и далее.

² Критику этого понятия см. в ст.: Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические призраки // <http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf> (Дата обращения 23.12.2023). С. 17–18.

будет таким содержательным соединением, которое позволяет внутреннюю форму завершить внешним оформлением, иначе говоря, со-чиненный и по замыслу оформленный в завершенный текст оформленного смысла (произведения, предложения, слова). Наконец, *деривационная цепь* будет порождением единицы речи из умственного (концептуального) содержания языка путем такого нарастания внутренней формы, которое находит новое внешнее оформление; расширительно говоря, порождением нового смысла словесности из первоначального замысла, достигшим законченного оформленного вида (текста, синтагмы, словоформы).

Итак, деривационные отношения строятся на основе

- 1) актуальной мотивации, которая может быть вторичной, и
- 2) нарастания формальной сложности (условие не обязательно). Они моделируют порождение сложных единиц из простых, но не в смысле реального исторического появления новых заданных единиц языка из старых, а в смысле разворачивания какой-нибудь заранее известной модели в данных единицах языка.

Это моделирование требуется верифицировать с помощью привлечения диахронического фактора. И тогда синхронная модель порождения может соответствовать реальному историческому процессу, а может и не соответствовать. Несоответствие вовсе не означает ошибочности и бесполезности в дальнейшем исследовании; напротив, деривационная связь, противоречащая реальной связи словопроизводства, показывает «точки роста» языковой системы, направление ее преобразований, ее динамический потенциал. Возникает тот самый конфликт диахронии и синхронии, который и приводит к существенным историческим сдвигам в системе языка³.

Понятие деривации ввел Ежи Курилович и разделил его на лексическую и синтаксическую⁴. Лексическая деривация происходит при каком-либо сдвиге в лексическом значении. От значения мотивирующего слова что-то отнимается, а что-то добавляется, появляется так называемая «фразеологическая добавка». Следует отличать такую деривацию от развития многозначности в производном слове.

Например, в лексическом значении глагола *белить* число возможных объектов невелико, но этот глагол вовсе не означает

³ См. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. М., 2001.

⁴ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.

‘делать все что угодно белым’. В языке осуществляются 3 самостоятельные деривации с различными мотивациями сообразно объекту: *белый* → *белить*¹ ‘делать белой стену’, *белый* → *белить*² ‘делать белым лицо’, *белый* → *белить*³ ‘делать белым полотно’. Дальнейшая приставочная деривация хорошо показывает эти различия: *побелить*, *набелить* и *отбелить*. Лексическая деривация способствует выпадению среднего бесприставочного члена словообразовательной цепи. Если модель приобретает продуктивность, то в дальнейшем складывается конфиксальное словообразование: *долг*⁵ > *одолжить*, *задача* > *озадачить*; *домашний* > *одомашнить*, *жестокый* > *ожесточить*; *наружу* > *обнаружить* и т.д. В образовании этих глаголов нет бесприставочной ступени, действует сложный аффикс *о(б) ... и(ть)*, который точнее всего назвать конфиксом. К этой же словообразовательной модели относится и *белый* > **белить*⁴ → *обелить* (человека).

Отыменная лексическая деривация, как правило, совпадает с направлением словопроизводства, но, в отличие от прилагательного *белый*, существительное *тормоз* дает всего одну деривацию: *тормоз* → *тормозить*. Метафорические значения в производных приставочных глаголах развиваются параллельно, приставки не специализируются.

В краткой записи: *белый* → *(но)белить стену*, → *(на)~ лицо*, → *(от)~ полотно*; → **белить / обелить человека* ‘оправдать’; но *тормоз* → *(за-, при)тормозить* ‘останавливать, замедлять, препятствовать’ (‘(при)остановить, замедлить, воспрепятствовать’) в прямом и переносном значениях.

В деривации *тормоз* → *тормозить форма* как бы опережает метафорический *смысл*, поскольку разные приставочные модификации глагола подчиняются одной и той же метафоре. Наверное, так творят формалисты. В четырех самостоятельных деривациях *белый* → *белить / (но-, на-, от-, о)белить смысл* опережает *форму*, и поэтому каждый из трех омонимичных глаголов приобретает свою собственную видовую пару. Наверное, так творят символисты и нынешние концептуалисты.

Имена действия дают синтаксическую деривацию; имена лиц выделяют в действии субъект и поэтому создают лексическую деривацию типа *учить* → *учитель*, в отличие от имен действия,

⁵ Знаком « > » мы обозначаем отношения словопроизводства, знаком « → » – деривационные отношения.

которые создают только синтаксическую деривацию.

Синтаксическая деривация сохраняет лексическое значение исходного слова, но изменяет синтаксические связи в предложении: предикативное выражение *ученик хорошо выполнил задание* трансформируется в словосочетание *хорошее выполнение задания учеником*.

Синтаксическая деривация всегда понижает ранг глагола, сдвигает его с главенствующего места в синтаксической иерархии, поэтому ее единственно возможным направлением может быть «глагол → имя». Направления словопроизводства могут быть двоякими: «глагол > имя» или «имя > глагол».

В случае деривации мотивационные отношения зависят от сложившейся к нашему времени модели. Они устанавливаются так, как требуют этого продуктивные смысловые отношения, и оправдывают направление деривации. Так, при рассмотрении мотивационных отношений между словами *пила* и *пилить* мы имеем две возможности. Одна соответствует реальным отглагольным именам с инструментальными значениями: *мыть* > *мыло*, *тесать* > *тесак*. Другая соответствует реальным отыменным глаголам со значением ‘производить действие, для которого предназначен инструмент’: *пылесос* > *пылесосить*.

В развивающемся во времени языке складываются первичные отношения словопроизводства, от которых зависят вторичные синхронные отношения деривации. Отношения словопроизводства возникают на основе первичной смысловой мотивации и могут обогащаться новыми моделями на основе вторичной мотивации. Производящая словоформа, слово или выражение обычно появляется раньше производного слова. Эти отношения включаются в общий словообразовательный процесс. Если он направлен от имени к глаголу, то обобщенным словообразовательным значением для целого ряда глаголов 2-го спряжения становится значение ‘делать то, что как-то связано с производящим именем существительным’.

В частности, производящее имя может называть инструмент: *труба* > *трубить*, *сверло* > *сверлить*, *руль* > *рулить*; в том числе такой инструмент, который становится объектом трудового действия: *винт* > *винтить*. Заимствованный характер двух последних производящих слов указывает на продуктивность модели.

Оно может обозначать вещество, которое используют для

приготовления или изготовления чего-либо: *соль* > *солить*, *масло* > *маслить*, *клей* > *клеить*. Или такое вещество, которое образуется в результате действия, названного производным глаголом: *пыль* > *пылить*, *дым* > *дымить*, *пена* > *пенить*.

Оно может обозначать физическое или психическое состояние: (вкусовая) *горечь* > *горчить*, (моральная) *горечь* > *огорчить*, *грусть* > *грустить*, *печаль* > *печалить*.

Оно может обозначать речевое, моральное или физическое действие или состояние: *слава* > *славить*, *хвала* > *хвалить*, *мир* > *мирить*, *ссора* > *ссорить*; *халтура* > *халтурить*, *плен* > *пленить*; *срам* > *срамить*; *мука* > *мучить*. При переносе лексического значения производящего слова на конкретные предметы могут развиваться и объектные отношения: *дар* > *дарить*, *корм* > *кормить*.

Наконец, оно может обозначать лицо, по которому называется действие: *друг* > *дружить*, *гость* > *гостить*, *чудак* > *чудачить*, *нянька* > *нянчить*, *посадник* > *посадничить*. В трех последних случаях в основе происходит закономерное чередование *к//ч*.

Итак, по аналогии с уже состоявшимися отношениями типа *труба* > *трубить* мы устанавливаем и отношения словопроизводства между словами *пила* > *пилить*. По НКРЯ⁶, слово *пила* известно уже в XII веке, а глагол *пилить* появляется только в начале XVIII века. Системный вывод нашел свое хронологическое подтверждение.

Важным эффектом словообразовательного процесса является переразложение. Например, отыменные глаголы 2-го спряжения, показанные выше, первоначально образовались в том числе и от имен лиц на *-ник* типа *посадничить*. Но от этих глаголов стали быстро производиться новые многократные глаголы 1-го спряжения на *-ать*: *посадникъ* > *посадничити* > *посадничать*. Среднее звено в этом словообразовательном процессе выпало, и глаголы стали производиться непосредственно от прилагательных и даже от первоначальных более простых существительных. Серия переразложений дала новые составные форманты с *-а-* при чередовании согласного основы *к//ч* (*озорник* > **озорничить* [как *посадничить*] > *озорничать*), затем *-ича-* (*озорничать* > *озорничать*, опираясь на *нервы* > *нервн-ый* > *нервн-ичать*), наконец, *-нича-* (*нервн-ичать* > *нерв-ничать*, опираясь на *Паяс* > *паяс*

⁶ <https://ruscorpora.ru/>. (Дата обращения 10.10.2023)

ничать).

Как видим, среди производящих имен могут быть и заимствованные. Интересно, что именно в производном глаголе сохраняется старое французское, а не новое итальянское произношение слова *паяц*. Вариант *паяс* и появился несколько раньше (по НКРЯ, впервые у В. Т. Нарезного в 1814 г.), и был распространен в первой половине XIX века шире, чем современный вариант *паяц*, который, по НКРЯ, впервые появился у Ф. В. Булгарина в 1829 г.

Возможные противоречия между деривационными отношениями и отношениями словопроизводства можно показать на примере стихотворения Пушкина «Пророк»:

И вял я неба *содроганье*,
И горний ангелов *полет*,
И гад морских подводный *ход*,
И дольней лозы *прозябанье*.

В словах *содроганье* и *прозябанье* противоречий между синхронной деривацией и диахроническим словопроизводством нет. Для слов *полет* и *ход* как будто бы устанавливается формальная деривация от глаголов *лететь* и *ходить*. Однако в первом случае никакого семантического (а значит, и мотивационного) оправдания этому решению нет, потому что приставка *по-* придает глаголу *лететь* начинательное значение, которого у Пушкина нет, а строгой синтаксической деривации отвечает пара *лететь* → *полет*. Глагол *ходить* отыменной и означает 'производить ход' вообще, движение в неопределенном направлении. В наше время этот глагол свободно заменяется на производящее имя, которое приобрело функцию деривата. По всей вероятности, простейшие имена типа *ход*, *лет* были способны независимо от глагола присоединять к себе приставки, в частности *по-*, отсюда новые отношения между глаголами *идти*, *ходить* и *поход*. Они не могут быть названы деривационными. Между этими словами остаются лишь синтагматические связи: *идти/пойти*, *ходить/сходить в поход*.

Итак, при *содрогаться* > *содроганье*, *прозябать* > *прозябанье* = *содрогаться* / *содрогнуться* → *содроганье*, *прозябать* → *прозябанье* имеется противоречие: *лет* > *лететь*, *лет* > *полет*, но *лететь* → *полет*; *ход* > *ходить*, *ход* > *поход*, но *идти* / *ходить* → *ход*.

У Н. С. Трубецкого можно найти указания на чередования

согласных, которые в одном случае показывают отглагольное образование имен (*теку* > сущ. *течь*, *скакать* > *скач*, *носить* > *ноша*; *плакать* > *плач*, *кликать* > *клич*; *пеку* > *печь*, *секу* > *сечь*, *сеча*; *пряду*, *прясть* > *пряжа*, *студить* > *стужа*, *купить* > *купля*, *гребу* > *гребля*, *ловить* > *ловля*), в другом случае – отыменное образование глаголов (*бег* > *бежать*; *звук* > *звучать*, *треск* > *трещать*, *брюзга* > *брюзжать*, *писк* > *пищать*, *визг* > *визжать*, *рык* > *рычать*, *дребезги* > *дребезжать*, *крик* > *кричать*, *стук* > *стучать*, *скрип* > *скрипеть*, *храп* > *храпеть*, *свист* > *свистеть*, *шелест* > *шелестеть*)⁷. В первом случае мы видим глаголы движения, эмоционального извлечения звука, производственного или, шире, какого-то хозяйственного действия. Во втором случае образуется меньше глаголов движения, но есть множество глаголов звучания.

Благодаря деривационным отношениям типа *ходить* → *ход*, противоречащим отношениям словопроизводства «имя > глагол», складывается обратное словообразование типа *призывать* > *призыв*, в котором производящий глагол оказывается сложнее производного имени в структурном отношении⁸.

Представляется, что родовое понятие «словообразовательные отношения» может быть только историческим, видовые понятия синхронных «деривационных отношений» и диахронических «отношений словопроизводства» имеют взаимодополняющий характер. В определенные эпохи новые деривационные отношения могут противоречить прежним отношениям словопроизводства, и тогда возникает вторичная мотивация, на основе которой строятся новые отношения словопроизводства.

⁷ рубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1967. С. 67–142. С. 127.

⁸ На испанском материале этот вопрос был рассмотрен уже 63 года тому назад, см. Арутюнова Н. Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // Вопросы языкознания, 1960, №2. С. 71–80. На русском материале обратное глагольно-именное словообразование рассматривается в работах: Демидов Д.Г., Юй Цзы-Лань. Как образовались имена существительные без суффиксов типа *призыв*, *разгар*, *отрыв*? О прямом и обратном словообразовании // Русская речь, 2021, №3. С. 19–30; Демидов Д. Г., Юй Цзы-лань. Прямое и обратное словообразование приставочных имен существительных без суффиксов типа *забег*, *ответ*, *поход*, *призыв*. Нерешенные вопросы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 1. С. 13–26.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // *Вопросы языкознания*. 1960. №2. С. 71–80.
- Демидов Д.Г., Юй Цзы-Лань. Как образовались имена существительные без суффиксов типа призыв, разгар, отрыв? О прямом и обратном словообразовании // *Русская речь*. 2021. №3. С. 19–30.
- Демидов Д.Г., Юй Цзы-лань. Прямое и обратное словообразование приставочных имен существительных без суффиксов типа *забег, ответ, поход, призыв*. Нерешенные вопросы // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. 2022. Вып. 1. С. 13–26.
- Добродомов И.Г., Камчатнов А.М. Дериватологические признаки. [Электронный ресурс] URL: <http://www.drevoslov.ru/paperspdf/amk/DerivatologicheskiePriznaki.pdf>. (Дата обращения: 23.12.2023).
- Косериу Э. *Синхрония, диахрония и история*. М., 2001.
- Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // *Курилович Е. Очерки по лингвистике*. М., 1962. С. 57–70.
- Николаев Г.А. *Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы*. М., 2010.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>. (Дата обращения: 10.10.2023).
- Трубецкой Н.С. Морфонологическая система русского языка // *Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии*. М., 1967. С. 67–142.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «ПЕРЕНОСНОГО» УПОТРЕБЛЕНИЯ ВРЕМЕН В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» ВАРЛАМА ШАЛАМОВА И ПОВЕСТИ АМОСА ОЗА «СУМХИ»)

Дресер И.

Университет имени Давида Бен-Гуриона в Негеве
Беэр-Шева, Израиль

Аннотация:

Данное исследование сосредоточено на сравнении грамматических значений времен глаголов в таких типологически далеких друг от друга языках, как русский и современный иврит. Оба языка располагают формами прошедшего, настоящего и будущего времен изъявительного наклонения, что может свидетельствовать о сходстве в их грамматических значениях. В обоих языках систематически наблюдаются расхождения между значениями глагольных времен и реальным контекстом их употребления, вследствие чего времена приобретают “переносное” значение. Мы предлагаем преодолеть это расхождение, сформулировав общие (инвариантные) значения для каждой формы времени, которые бы обуславливали все ее частные употребления, как прямые, так и “переносные”. Исходя из теории языкового знака, разработанной учеными Колумбийской школы лингвистики (см. Diver, “Theory”; García; Tobin, *Invariance*), мы предложим общее семантическое содержание для систем времен русского языка и иврита, соотносящееся с *ego, hic et nunc* (моментом речи) говорящего (пишущего) субъекта, и сравним “переносные”

употребления временных форм изъявительного наклонения в параллельном корпусе, представленном «Колымскими рассказами» Варлама Шаламова и повестью Амоса Оза «Сумхи», а также их художественными переводами на иврит и русский язык соответственно.

Ключевые слова:

инвариантные значения; категория времени; Колумбийская школа лингвистики; перевод иврит/русский и русский/иврит